

ПРОБЛЕМА ШЕРТИ НА РУССКО-АЛТАН-ХАНОВСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ

*Л.Ш.Чимитдоржиева**

В начале XVII в. колонизация Южной Сибири русскими привела их к монгольским рубежам, что повлекло за собой установление прямых и регулярных русско-монгольских посольских и торгово-экономических связей. Согласно русским архивным документам (челобитным, статейным спискам, расспросным речам русских послов), русские вначале вступили в непосредственные связи с ойратами и княжеством Алтан-ханов в Северо-Западной Халха-Монголии, а в середине XVII в. посольские связи были установлены с Тушету-хановским, Дзасакту-хановским и Сэцэн-хановским аймаками Халхи.

Взаимоотношения России и монгольских ханств в XVII в. развивались в сложных исторических условиях. Монголия переживала период феодальной раздробленности, вновь возникшие ханства и княжества терзали бесконечные раздоры и междоусобицы. В свою очередь, центральное правительство Русского государства было занято многочисленными политическими и военными проблемами на Западе (борьбой за выход к Балтийскому морю, обороной страны от иностранных интервентов, войнами с турками). Поскольку оно само не имело широких возможностей проводить активную внешнюю политику на Востоке, то вынуждено было передать сибирским воеводам большие полномочия, наделив их властью “отправлять в порубежные государства и земли посольства”.

1608 год считается временем установления посольских связей между Россией и монгольским княжеством Алтан-ханов. Основной формой взаимоотношений между обеими сторонами стал обмен посольствами.

Темы, обсуждавшиеся на русско-алтан-хановских переговорах были разными - принятие шерти, вопрос о взимании дани с сибирских племен (кыргызов, телеутов, моторов, аринов и др.), торговая проблема и др.

На переговорах одним из основных был вопрос о шерти (шертовать - приносить присягу, давать клятву), т.е. проблема приведения Алтан-хана под “высокую государеву руку” (1). Российская сторона ставила перед каждым посольством цель - добиться признания Алтан-ханами русского подданства. Положительное решение этой проблемы дало бы русским властям огромные возможности для

*Л.Ш.Чимитдоржиева - ОХУ-ын БНБуриад Улсын Монгол, будда, төвд судлалын хүрээлэн, доктор (Ph.D)

решения ряда других важных вопросов политического и экономического характера: открытия через монгольские земли пути в Китай, упорядочения сбора ясака с приграничного населения, в частности, с народов-двоеданцев, которые оказались в зависимости и от русских, и от монголов, и т.д.

Алтан-ханы, в свою очередь, стремясь получить русскую помощь в частых войнах с соседями и широкий доступ на рынки сибирских городов, временами были готовы дать шерть и присягнуть в верности русскому царю. Однако обсуждение этой проблемы, как правило, завершалось лишь декларацией о поддержании дружественных отношений. Если дело доходило иногда до процедуры дачи шерти, то хан поручал проделать эту церемонию своим ближайшим родственникам, занимавшим крупные должности, - табунангам (табунанг - термин, обозначающий и родственную связь и вассальную зависимость; "княжеский зять") (2), а также духовному авторитету - ламе Даин Мерген-ланзу.

Принесение шерти обязывало лицо, принявшего присягу, регулярно подносить дань. В царских грамотах, адресованных монгольскому хану, не устанавливались размеры этих подношений. Сами же Алтан-ханы рассматривали дань как подарки, которые они посылали в обмен на "государево жалованье" (3).

В 1616 г., когда к Алтан-хану Шолою Убаши-хунтайджи было отправлено посольство во главе с Василием Тюменцем, на одном из приемов Алтан-ханом был совершен буддийский религиозный ритуал поклонения божествам. В. Тюменец воспринял увиденное как обряд принесения присяги и вступления Шолоя в российское подданство. На самом же деле, несмотря на все усилия и настоятельные уговоры встать под "государеву руку", Алтан-хан Шолой не пожелал пойти на этот шаг. Прибытие русского посольства Шолой Убаши воспринял как установление дружеских отношений с Россией. Исследователи это объясняют тем, что у Алтан-хана в тот период не было желания и необходимости вступать в российское подданство, он только стремился установить добрососедские отношения с Россией. Поэтому Алтан-хан принимал русских послов как правитель суверенного государства. Кроме всего прочего известно, что монгольский хан выразил желание оказать военную помощь русским в случае военных действий. Как считает Н.П. Шастина, "подобное предложение мог сделать только равный по положению владыка или государь, а не принесший вассальную присягу князь" (4).

Алтан-хан Шолой Убаши отправил в Москву с возвращавшимися на родину русскими послами своих посланников. Приезд монгольского

посольства в Москву был расценен царскими властями как признак изъявления Алтан-ханом встать под “государеву руку” российского царя. Это казалось тем более правдоподобным после того, как В. Тюменец докладывал, что монгольский хан хочет быть под “государевой рукой”. Однако монгольские представители преследовали совершенно иную цель. Они приехали, чтобы собрать сведения о Российском государстве, а также получить подарки от русского государя для своего правителя.

Следует отметить, что вступление в подданство (дача шерти) происходило в два этапа. На первом этапе давалось обещание принять подданство (признание государевой власти на словах), а потом заключалось соглашение (принесение присяги по шертной записи). Поэтому, имея предварительное согласие Алтан-хана принять присягу, о чем утверждал Тюменец, русское правительство имело шансы закрепить его подписанием шертной грамоты (5). Однако посольство Ивана Петлина, отправленное в 1618 г. в Китай через княжество Алтан-ханов, а также монгольское посольство, прибывшее с Петлиным в Москву, опровергли сведения В. Тюменца о желании Алтан-хана принести присягу на верность русскому царю.

Алтан-хан отправил своих послов в Москву с намерением договориться с правительством России о получении военной помощи против ойратов и наладить двусторонние торговые отношения. Русские власти пообещали помощь только тогда, когда монгольский хан встанет “под высокую государеву руку” (6).

В начале 30-х гг. XVII в. в Россию поступила информация о том, что возникла реальная угроза агрессии южномонгольского чахарского Лигдэн-хана (Чагир-хана) на княжество Алтан-ханов. В 1631 г. в Томск Алтан-ханом Омбо-Эрдэни был отправлен посол Байгал Байсаев, который рассказал о том, что “кочюет де Алтын-царь на речке на Кемчике своею ордою, шедчи с старого своего кочевья от утеснения Чагир-кановых людей” и просил “оборонить (Алтан-хана - Л.Ч.) от Чагир-кана” (7). Томский воевода поставил условие, потребовав от монгольского посла принесения присяги на верность российскому государю. Ему было обещано, что только в этом случае просьба о помощи против Чагир-хана (Лигдэн-хана) могла быть исполнена. Посол был вынужден совершить этот акт, съев при этом кусок хлеба с острия ножа при поднятой над его шеей сабле. Омбо-Эрдэни был очень недоволен произошедшим и в 1634 г. при приезде посольства Я. Тухачевского не преминул возможностью напомнить этот случай (8).

Данный эпизод весьма любопытен с этнографической точки зрения, так как в нем приведено редкое описание обряда принесения

присяги на верность. В архивных материалах встречается описание еще одного обряда дачи шерти, но уже по традиции енисейских кыргызов. Процедура принятия кыргызами российского подданства описана так: “киргизские князьки, со всеми своими людьми учинились под государевою рукою и по своей вере шертовали: розсекали собаку и всквозь ее проходили, а иные снова у них... с клятвою хлеб ели, а ясак государю в Томской город соболи, и бобры, и лисицы, и куницы и всякой зверь, что от них ведетца, послали” (9).

В 1632 г. к Алтан-хану был отправлен Казый Карякин, которому следовало выяснить возможность приведения хана к присяге, собрать сведения о Чагир-хане и попытаться добраться до его кочевий.

Омбо-Эрдэни не противился предложению о даче шерти и даже хотел отправить в Томск двух своих послов, которые принесли бы присягу на верность за него. Однако он пообещал послать своих послов только тогда, когда ему “про Чагир-кана будет весть, что пойдет на меня, Алтына, войною” (10).

К моменту прибытия посольства Якова Тухачевского в 1634 г. Алтан-хан оправился от временной растерянности, вызванной слухами о походе Чагир-хана. В связи с благополучно разрешившейся для него ситуацией монгольский правитель отказался лично дать шерть. Он также выразил свое возмущение оскорбительным для себя случаем в Томске, когда местные воеводы, заставляя его посланника дать клятву на верность, “велели шертовать поневоле, давали хлеб с ножа, да стояли над шеєю с саблею, а в нашой де вере такой шерти не повелось, крепкая де шерть у нас, пьют золото” (11).

Тухачевский долго уговаривал Омбо-Эрдэни принять российское подданство. Только после поднесения богатых государевых даров и уговоров прибывшего в это время к Алтан-хану его духовного отца и наставника ламы Даин Мерген-ланзу, Омбо-Эрдэни согласился, чтобы от его имени присягу принесли ближайšie родственники - табунанги. Алтан-хан свой отказ шертовать самолично объяснил так: “А тово де у нас никакo не повелось в нашой вере, что самому царю шертовать” (12).

Тухачевский был вынужден принять довод Алтан-хана. Но последний выдвинул встречное условие: по монгольскому обычаю русским послам также следовало принять участие в процедуре принесения присяги. Оно заключалось в том, что русские вместе с монголами должны были выпить из чаши вино, куда было положено золото.

Тухачевский не разобрался в истинной сути монгольского обычая. Он распенил процедуру принесения клятвы при соблюдении

монгольского обычая как вступление Алтан-хана в русское подданство. Однако Омбо-Эрдэни рассматривал эту акцию всего лишь как договор о союзе и дружбе с русскими.

По окончании посольской миссии Тухачевский составил статейный список, в котором подробно были изложены ход переговоров и их результаты. Он также привез шертную грамоту от Алтан-хана, которая, как считал Тухачевский, ставила монгольского хана в зависимость от московского царя. Однако на ней отсутствовала личная подпись Алтан-хана, что делало доставленную грамоту лишенной силы как юридического документа. Следовательно, цель миссии Тухачевского осталась не достигнутой.

Степану Греченину (Александрову), прибывшему к монголам в 1636 г., было поручено добиться дачи шерти самим ханом. Однако Алтан-хан считал, что просьба российского царя “шертовать в холопстве” не достойна хана: “А холопство у нас в Мугальской земле бесчесно. ...в Мугальской земле не ведетца, что царь царю шертует сам” (13).

Стремясь не повторять ошибок предыдущего посольства, Греченин и его спутники продолжали убеждать Алтан-хана в необходимости самому дать шерть на верность российскому государю. Однако Омбо-Эрдэни не шел на уступки, его никак не устраивало слово “холопство”, которое, по его убеждению, совершенно не было приемлемо к его статусу.

Послы продолжали настаивать на принесении Алтан-ханом присяги по шертной записи, утвержденной в Посольском приказе, объясняя, что “многие государства учинились под государевою царскою высокою рукою в холопстве, и х кому великий государь пишет холопством, и то ему от великого государя честь, а не бесчестье” (14). Опровергая подобное заявление, Алтан-хан сказал: “Мне де, Алтыну-царю, великому государю шерти дать самому нельзя, потому что у нас в Мугальской земле цари царям не шертуют: тово у нас не повелось” (15).

После многократных встреч с послами Омбо-Эрдэни заявил о том, что сам лично он присягу давать не будет, за него будут шертовать все те же Дурал-табунанг и лама Даин Мерген-ланзу. Так и произошло. Дурал-табунанг и Даин Мерген-ланзу совершили за Алтан-хана обряд принесения шерти, который описан в статейном списке С. Греченина и его помощника А. Самсонова: “И Степан да подьячей Ондрей шертовальную запись взяли и лабу Даин Мерген-ланзу да алтынова брата Дурала-табуна ево алтыновою душею по шертовальной записи при нем, Алтыне-царе, к шерти привели: пили золото на том, что

ему, Алтыну-царю, быть под государевою царскою высокою рукою в подданных” (16).

Итак, как и при посольстве Тухачевского, Греченину не удалось привести Алтан-хана Омбо-Эрдэни к даче шерти лично, за него это сделали другие.

В 1638 г. к Алтан-хану отправилось очередное российское посольство во главе с Василием Старковым, главная цель которого была добиться подтверждения верности Алтан-хана Омбо-Эрдэни, присяги, данной им в 1634 г., на верноподданничество русскому царю.

Следует отметить, что Омбо-Эрдэни на этот раз вел себя с русскими послами весьма неприветливо, о чем свидетельствуют статейные списки послов.

В 1657 г. перед посольством Родиона Кольцова также стояла основная задача: напомнить третьему Алтан-хану Лубсан-тайджи о присяге, данной его отцом Омбо-Эрдэни в 1634 г. и попытаться привести его к присяге на верность русскому царю. Лубсан-тайджи стал отрицать этот факт, говоря, что он не в ответе за поступки отца, который хотя и “шертовал - он де стар, а лаба шертовал - тот умер, Турал-табун шертовал в Томском городе - тот де умер же, а я де не шертовал. ...Когда де царь царю бывает в подданстве? Когда де царь царя возьмет войною, тогда де бывает в подданстве” (17).

Очередное русское посольство во главе с Степаном Гречениным, отправленное к монгольскому Лубсан-тайджи в 1659 г. вновь имело цель напомнить о шерти, данной его отцом Омбо-Эрдэни и добиться принесения присяги самим Алтан-ханом Лубсаном, чтобы “Лобзьян, шерть свою дали на том, что им, великим государем, служить и прямить” (18).

За признание Алтан-ханом Лубсаном старой шерти послы обещали богатые “поминки” (государево жалованье). Однако Лубсан снова не пожелал признавать старую шерть и сам не хотел шертовать: “...великому государю не хочу солгать. За холопство де и за подданство великий государь меня пожалует златом и серебром, и камением драгим, и всякими диковинами - и то де мне будет не прочно: все изтлеет, только одно имянишко мое останетца” (19).

Лубсан-хан готов был “служить и прямить неподвижно”, т.е. принять присягу только в том случае, если русский царь поможет ему военной силой в междоусобной борьбе. Но в то же время Лубсан считал, что принятие подданства является для него “бесчестьем большим”. Он выдвинул предложение, чтобы русский царь считался как “большой брат” для монгольского хана, а он был бы “меньшой

брат” русскому царю (20), что фактически означало нежелание Лубсана дать согласие на принятие присяги.

Несколько последующих русских посольств (Степана Боборыкина (1661 г.), Петра Лаврова (1662 г.), Зиновия Литосова (1663 г.), Романа Старкова и Степана Боборыкина (1665 г.), отправленных в Монголию к Лубсан-тайджи, также не достигли каких-либо конкретных результатов по вопросу приведения монгольского хана в российское подданство. В тот период Алтан-хана на переговорах с русскими больше интересовал вопрос о постройке острога на р. Убсе, где он мог бы укрыться в случае войны.

Основной целью последнего русского посольства во главе со Степаном Тупальским в Северо-Западную Монголию (1679 г.) также было приведение в подданство российскому государю Алтан-хана Лубсан-тайджи: “Как отец твой Алтын-царь и ты, Лоджан Алтын-царь, в прежних годех.... шерть свою дали... также б и ныне ты, Лоджан Алтын-царь, с своими детьми и с яйзаны и со всеми своими улусными людьми буди в подданстве у великого государя, и великому государю... шерть дай” (21).

На предложение послов принять присягу Лубсан-тайджи не отказывался, говоря “шертовать де я... готов” (22). Преследуя свои цели, в частности, ожидая помощи от русских в войне против халхаской коалиции и ойратов, Лубсан согласился принять шерть. Об этом говорится в статейном списке С. Тупальского: “И Лоджан Алтын-царь... великому государю царю и великому князю... шертовал з детьми своими с-Ырденъ-тайчею да з Баин Чюром и с лутчими своими яйзаны... И за всех своих улусных людей, взяв книгу, сам Лоджан Алтын-царь и, воздев на небо руки, и детям своим и всем ейзаном и улусным людем також велел руки поднять к небу, как и сам. И около головы своей Лоджан Алтын-царь руками обводил, и по лицу своему потирал, и ногти свои лизал, и детям своим велел також руки около головы обводить и ногти лизать. И Лоджан Алтын-царь з детьми своими по своей вере книгу целовал, а яйзаном своим и улусным людем велел руками около головы обводить и ногти лизать” (23). Так своеобразно передал в своем статейном списке процедуру дачи шерти Алтан-ханом Лубсаном русский посол С. Тупальский.

В марте 1680 г. была обнародована “Жалованная грамота царя Федора Алексеевича Алтын-хану Лубсану о принятии его в русское подданство”. В ней было сказано: “И мы, великий государь, наше царское величество, за твою к нам... службу и радение, и что и ныне ты нашей государской милости поискал и учинился у нас, великого государя, у нашего царского величества, в подданстве, также, как и

у предков наших государских отец твой был в подданстве, жалуем, милостиво похваляем... А мы, великий государь, наше царское величество, тебя, Лоджана-хана, со всею Мунгальскою землею учнем держать в нашем царского величества милостивом жалованье и призьенье" (24).

Несмотря на то, что в принесении присяги непосредственное участие принял сам Лубсан, дачу им шерти не следует понимать как настоящее принятие российского подданства. Лубсан-тайджи, как и предыдущие ханы, дачу шерти трактовал всего лишь как заключение дружественного союза двумя соседями.

Неудача в попытках привести к присяге Алтан-ханов заключалась в том, что стороны по-разному понимали процедуру дачи шерти. Под дачей шерти Алтан-ханы подразумевали договор о дружбе и взаимопомощи, заключение союза равного с равным, получение военной помощи и широкого доступа на рынки сибирских городов, но никак не вступление в русское подданство и превращение в холопа русского царя, к чему призывали, а позже оказывали всяческое давление русские посланцы. Алтан-ханы считали, что царь царю не может шертовать, поэтому ограничивались при обсуждении вопроса о присяге словесными клятвенными обещаниями.

Хотя ожидаемые результаты достигались не всегда, была достигнута основная цель - установлены мирные, добрососедские отношения между Россией и княжеством Алтан-ханов, которые сыграли значительную роль в укреплении и развитии разносторонних русско-монгольских отношений.

1. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М., 1987. С. 175.
2. Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение, VI. М.-Л., 1949. С. 386; Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 39.
3. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636-1654. Сборник документов. М., 1974. С. 408.
4. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 25.
5. Там же. С. 29.
6. Там же. С. 30.
7. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. Сборник документов. М., 1959. С. 163.
8. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 34.
9. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. Сборник документов. М., 1959. С. 59.
10. Там же. С. 170; Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. С. 36.
11. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607-1636. Сборник документов. М., 1959. С. 205.
12. Там же. С. 205.
13. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636-1654. Сборник документов. М., 1974. С. 37.
14. Там же. С. 42.
15. Там же. С. 42.
16. Там же. С. 43.
17. Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654-1685. Сборник документов. М., 1996. С. 27.
18. Там же. С. 63.
19. Там же. С. 64.
20. Там же. С. 65.
21. Там же. С. 337.
22. Там же. С. 338.
23. Там же. С. 338.
24. Там же. С. 362-363.